

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ ИСПЫТАНИЙ

СССР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Расстановка сил на международной арене после Первой мировой войны и Октябрьской революции особенно неблагоприятно складывалась для Советской России. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия вынуждена была вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период возникла реальная угроза их совместного похода против СССР, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить могущественных противников, найти союзников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

Сполохи военного пожара разгорались с начала 1930-х гг. — захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г., захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс («присоединение») Германией Австрии в марте 1938-го. Под занавес 1938 г., в ночь на 30 сентября главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладье) было заключено в Мюнхене соглашение, которое изменило соотношение сил в Европе и в конечном итоге привело ко Второй мировой войне.

Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около одной пятой своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Ее представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии, Италии и западных демократий. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые по сути дела являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии — она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Лиддел Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. — *Ред.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это "пренебрежение" год спустя имело фатальные последствия»¹.

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия — с другой, преследовали мюнхенским соглашением неоднозначные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движения к «необъятным про-

¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 23.

сторам России», Италия обрела уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии, и направить его против СССР — в последнем цели подписантов мюнхенского соглашения совпадали. Это была дорога в бездну.

В 1939 г. события в Европе приобрели еще более угрожающий характер. 15 марта германские войска в нарушение мюнхенского соглашения вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена «независимость» Словакии. Соучастниками раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия — Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестала существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель) — ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 г. Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двумя месяцами раньше Германия «в услугу за услугу» потребовала от Польши возвратить город и порт Гданьск, который до «приговора в Версале» также являлся германской территорией, предъявила Польше другие требования. На самом деле Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., Гитлер говорил: «Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на востоке»¹.

11 марта Англия, а затем Франция объявили о гарантиях независимости Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования и демонстративную поддержку ее Англией и Францией, утвердил план «Вайс» — войны с Польшей. Был установлен срок готовности к войне — 1 сентября 1939 г. Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

¹ Мировые войны XX века. В 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 65.

Напомним, что к этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г.К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране, как на Западе, так и на Востоке.

Период марта-августа 1939 г. — это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы; между Германией, Италией и Японией; между Японией и Советским Союзом и т. д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны и во многом к нападению Германии на СССР и Японии на США в 1941 г.

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику конкурировали два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстрационный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Мерекалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберле-

на. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским послом Я. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая, как и Франция, после захвата Германией Чехословакии пока еще смутно, но опасалась, что нацистская Германия может «поменять расписание» и следующий удар направить не на восток, а на запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член Военного Совета генерал Ж. Думенк, советскую — нарком обороны маршал К. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И. Сталина, указывалось вести переговоры с целью заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши и Румынии, иначе «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал» — германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам. Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в ближайшие дни Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить ее в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф. Рузвельтом, который не всегда последовательно, но выступал с осуждением действий агрессоров. На одном из секретных совещаний он

положительно оценил советскую политику в период гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но Черчилль еще был вне правительства, а политика США на европейском направлении после «присоединения» гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры буксовали. Тем временем вновь инициативу проявила Германия, с которой СССР вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции»¹. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается»². В своей новой книге «За закрытыми дверями» британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала «самоубийственной тактике» — вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши: «Когда советский маршал Воро-

¹ Documentes diplomatiques française 2e Serie. T. XVIII. P. 1984. P. 127, 212. (Далее — DDF.) Подробнее см.: 1939 год. Уроки истории. Ч. II. Гл. 5. Упущенная возможность. С. 298–318.

² Год кризиса 1938–1939. Т. II. Документы и материалы. М., 1990. С. 294. Подробнее см.: Секреты польской политики 1935–1945: Сборник документов. М., 2009.

шили 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной Армии на территорию Польши: для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа». Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму: «По распоряжению Председателя Совета министров генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию. Гамелен»¹ — германская агрессия на Западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Думенк сообщил о телеграмме Гамелена Ворошилову. Но Лондон хранил молчание.

Газеты сообщали, что Чемберлен ловил рыбу, а Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа готовился прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах.² Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одумать, Польша — понять реальности, а германское предложение — рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция...»³

Как и в Первой мировой войне, все решилось «в последний час». Получив от Сталина согласие на подписание договора о ненападении, Гитлер направил в указанный ему срок 23 августа министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова — Риббентропа) был подписан. Это вынужденное политическое решение на

¹ DDF. T. XVIII. P. 232. М. Гамелен — начальник французского генерального штаба, генерал. Один из виновников поражения Франции в 1940 г.

² Мосли Л. Утраченное время/Пер. с англ. М., 1972. С. 305–307.

³ Read A., Fisher D. The Deadly Alliance: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939–1941. L. 1988. P. 115.

какое-то время гарантировало страну от войны с Германией, с ее реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел «сфер интересов» между Германией и СССР и являлись важной составной частью подписанных документов. К «сфере интересов» СССР относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия и Северная Буковина. Все это были государства или территории (за исключением Северной Буковины¹), входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны решениями в Версале, или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам — обычная практика того времени.

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе «сфер интересов», необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке — геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможность для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали бы наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие — в 35 км от Минска, немецко-румынские — в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры», чтобы выстоять в тяжелейшем 1941-м, особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

Разнонаправленное, но немаловажное значение имело для каждой из сторон достигнутое соглашение по экономическим вопросам. Третий рейх остро нуждался в сырье, Советский Союз — в современной технике и технологиях.

¹ До 1918 г. небольшая территория Северной Буковины была частью Австро-Венгерской империи, после поражения которой в Первой мировой войне и распада вошла в состав Румынии.

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: «Невозможно сказать — кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий».¹

Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли дальних пригородов Варшавы.

В то же время на западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название «странной войны». Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. Основные силы польских войск, несмотря на упорное сопро-

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I. Надвигающаяся буря / Пер. с англ. М., 1955. С. 357, 358. Российские историки-ревизионисты, заимствуя распространяемую на Западе негативную трактовку договора нередко «переписывают» свои собственные оценки. Профессор В.И. Дашичев в своем труде «Банкротство стратегии германского фашизма», изданном в 1973 г., приводит цитату, согласно которой советско-германский договор о ненападении «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны» (Т. I. С. 8). В «переработанном и дополненном» издании 2005 г. договору дается иная оценка: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». Автор также утверждает, что «крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 гг. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее...» (Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. М., 2005. Т. 1. С. 12–13). Эти утверждения также не соответствуют действительности.

тивление, были за две недели разгромлены. 17 сентября, когда Варшава еще оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны, на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии.

Официальные и неофициальные осуждения ныне в Польше этого решения советского правительства, в том числе в резолюции Сейма 23 сентября 2009 г. «в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу», тенденциозны и представлены вне контекста сложившейся военной обстановки: наступавшие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категорического требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, «днем позора немецкого политического руководства».¹

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную Армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия — с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по так называемой линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши².

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. В 3 т. М., 1968–1971. Т. 1. С. 125.

² Украинский историк В.С. Макаруч, указывая на необоснованность осуждения секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечает, что согласно международному праву протокол не может объявляться «недействительным с момента его подписания» и составлен так, что «формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов». Подробнее см.: В.С. Макаруч. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» / В кн. *Нарочницкая Н., Фалин В. и др.* Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009. С. 208–240.

Первоочередная задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного наступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда¹.

Большим успехом советской политики, результатом поражения японских войск на реке Халхин-Гол явилось заключение 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта.

В Москве ясно понимали, что, несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть больше времени для укрепления обороны. Менее известна действенность советской политики, направленной на создание коалиции го-

¹ Следует отметить как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации ее независимости и включении в состав СССР. Так, Л.П. Колодникова сообщает (без указания источника), что «в приказе самого первого дня войны было четко сформулировано, когда взять Выборг, когда водрузить красный флаг над финским парламентом и когда выйти к шведской границе» (*Колодникова Л. Советско-финляндская война: взгляд через 70 лет / В кн. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 274*). Член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров в этой же книге утверждает, что «Советский Союз обеспечил себе свободу рук по захвату Финляндии» (с. 427). Эта версия опровергается официальными заявлениями советского правительства в период «зимней войны» (см. с. 17), самим ходом ее событий.

сударств и народов для борьбы с агрессорами. Переговоры с Англией возобновились через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе. 1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио, сделал важное заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?», сказал: «некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда». Далее он разъяснил позицию британского правительства: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании».¹ Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов направил указание И.М. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории — *Ред.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйствен-

¹ Телеграмму И. Майского об этой беседе см.: Документы внешней политики. 1939 год. (Далее — ДВП 1939 г.) Кн. 2. М., 1992. С. 167–169.

ный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики».¹

9 мая 1940 г. началось наступление вермахта на западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам без преувеличения поразило мир. 22 июня, через 44 дня Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Британский экспедиционный корпус, бросив вооружение, едва успел с помощью своего флота переправиться из района Дюнкерка через Ла-Манш и укрыться на Британских островах. Правительство У. Черчилля (с 10 мая он — премьер-министр) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал «блиц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью «выбомбить» ее из войны. Но в «битве за Англию» немецкая авиация встретила решительный отпор британских сил противовоздушной обороны и в результате больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Для советского политического и военного руководства скоротечное поражение англо-французской коалиции явилось

¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 13. Л. 4. (Далее — АВП РФ.) Вестник Архива Президента. С. 185–210.

фактором стратегической внезапности, возросшей угрозы войны с Германией, которая начала переброску своих войск к советским границам. Встречи и беседы В. М. Молотова с Гитлером и его окружением 11–13 ноября в Берлине подтвердили наличие у Германии агрессивных замыслов, направленных против СССР. Тем временем в Великобритании под воздействием сложившейся обстановки настроения стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса "в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе". Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулись лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом».¹

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи со Сталиным и вручил ему послание Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу, и высказывалось пожелание о восстановлении «обеими нашими странами» их прежних связей.² По итогам беседы, которая длилась около трех часов, Криппс, сообщая, что она проходила «в дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться», и выделил согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов. Послание Черчилля придало еще бóльшую актив-

¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 13. Л. 44–53. См. также *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 201.

² Документы внешней политики 1940 — 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 399, 400. (Далее — ДВП 1940 — 22 июня 1941 г.).

ность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин Офис как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Фон Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября Криппс от имени Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание *de facto* «власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством».¹ Советской дипломатии приходилось уклоняться от «кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР, надеялись, что она еще будет соблюдать пакт о ненападении. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений, заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил Криппсу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов».

Вспоминая об усилиях немецкой разведки выяснить содержание переговоров между Лондоном и Москвой, В. Молотов в беседе с писателем И. Стаднюком так охарактеризовал дей-

¹ Подробнее см.: Чубарьян А. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 2009. С. 389 и далее.

ствия советского руководства: «Мы, несмотря на наш договор о ненападении с Германией, не делали никаких заверений о нашем желании соблюдать нейтралитет, если она начнет агрессию против Англии... а разговоры велись те, что нам было надо».¹

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР. Послание Черчилля, которое подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло послужить поводом для письма Сталина, направленного, по сведениям знатоков разведки, через несколько дней Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру о том, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. В ответ Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором сообщил, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства».²

Вскоре последовал импульс недоверия и к английской политике в связи с прилетом в Англию 10 мая заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Гесс, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте в Шотландии, недалеко от имения герцога Гамильтона, при поддержке которого рассчитывал накануне нападения Германии на СССР договориться о заключении мира между Германией и Англией. Как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, относящиеся к миссии Гесса (часть их еще остается закрытой до 2017 г.), советские подозрения на этот раз не подтвердились. Тем не менее Криппс предложил использовать «дело

¹ Правда. 1992. 23 июня.

² Цит. по: Лота В. Увидеть красный свет // Российское военное обозрение. 2008. № 7, июль. С. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки не указаны.

Гесса» для давления на Россию и получил в этом поддержку из Лондона. Суть давления заключалась в том, что если СССР удовлетворит ожидаемые германские требования, то вероятен англо-германский компромисс и СССР «останется один на один с Гитлером».¹

Трезвый расчет в конечном итоге взял верх. Парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер 16 мая на встрече с Майским заверил советского посла в том, что «решимость правительства вести войну остается в полной силе» и «Гесс остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный».²

Советская разведка начиная с 12 апреля получала свою информацию о Гессе и его визитерах. Из материалов досье «Черная Берта» следует, что сообщения советской разведки в основном подтверждали официальное заявление британского правительства и вместе с тем содержат ряд невыясненных до настоящего времени обстоятельств.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как потенциальному союзнику.

Точкой отсчета можно считать письмо И. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими

¹ Woodward. L. British Foreign Policy in the Second World War. Wolume I. L. 1970. P. 468–470. (Далее — Woodward L.) P. 614, 615. Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау, наблюдал за состоянием Р. Гесса, на встрече с автором в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил.

² ДВП 1940 — 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 690. Данный том издан в трех книгах и содержит наиболее крупный блок документов о переговорах с Великобританией и США, которые закладывали основу не только нормализации отношений с западными демократиями, но и антигитлеровской коалиции.

усилиями может быть восстановлен мир».¹ Война СССР с Финляндией резко обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» — фактический запрет торговли с СССР, оказывали помощь Финляндии, активно поддерживали ее в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно негативными.

В дневнике В. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: «После революции Рузвельт — единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению

¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 249–250. Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась советско-финляндская война.

Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремления объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщал Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. — *Ред.*) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему "умиротворению" для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, "два к одному" в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров... Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: "во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США..."» (ДВП 1940 — 22 июня 1941 г. Т. 22. Кн. 1. 1 января — 31 августа 1939 г. М., 1992. С. 524–525).

Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения одной Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий».¹

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американско-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по существу, переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В.М. Молотов и Л. Штейнгардт.

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский Особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов паль-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2–6. В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что, в свою очередь, косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве «народного правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием сторонника переговоров о прекращении войны.

то, — заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, — то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день». Министр финансов Г. Моргентгау информировал Уманского, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования».¹

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений».²

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный союз, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым участником Тройственного пакта. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите Молотова в Берлин (11–13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение — сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострившихся американо-японских отношений это был рискованный для СССР шаг в правильном направ-

¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 328.

² Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56–57.

лении. «Важно отметить, — писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США К. Хэлл, — что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. — *Ред.*) советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительствами».¹

В наступившем 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем 21 января Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь». Такого рода заверения повторялись потом неоднократно.

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии, как против СССР, так и против США, тем не менее прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению, что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована».²

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардтом международного положения и политики СССР, несмотря на неприязнь советского режима, помогали Рузвельту объективнее разобрататься в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, — писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, — заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она

¹ FRUS, 1940. Wash., 1959. Vol. I. P. 678.

² *Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as War Time Statesman.* Princeton (New Jersey), 1991. P. 30–31.

направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление».¹ О «тупом упорстве» Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами.²

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли «общего языка», не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти».³ Но это уже имело второстепенное значение. Главное — ко времени нападения Германии на СССР Рузвельт и Черчилль пришли к общему решению о том, что Великобритания и США поддержат СССР в борьбе против нацистской агрессии.

События 1939–1941 гг. на протяжении многих десятилетий являются объектом особо настойчивого искажения их реального содержания, взаимосвязи причин и последствий, сокрытия подлинных целей политики западных держав и в то же время необоснованных обвинений Советского Союза, имеющих целью нанести ущерб международному авторитету, политике и облику современной России. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, впервые возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, как соучаст-

¹ FRUS, 1940. Vol. I. P. 616–617.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь, К. Хэлл крайне отрицательно относился к Уманскому и считал, что он «нанес большой ущерб российско-американским отношениям» (The Memoirs of C. Hull. N. Y., 1948. Vol. I. P. 743).

³ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес — министр внутренних дел США.

ника совместно с нацистской Германией развязывания Второй мировой войны и других преступлениях. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной «изысканности». 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначности нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное «напоминание» о Холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 г. в Хельсинки, другие документы, но все это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами.

Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от Холокоста, от газовых камер и концлагерей за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной Думой 7 июля 2009 г.

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ вызвана, на наш взгляд, открытием в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939–1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее неизвестных документов, относящихся к этому периоду.¹ Многие тысячи томов открыты в архивах Министерства обороны. Эти документы подтверждают, что, несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный «Архив Дирксена»), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить заряд ее агрессии против СССР. Антиком-

¹ Документы внешней политики. 1939 г. В 2 кн. М., 1992; Документы внешней политики 1940 — 22 июня 1941 г. В 2 кн. М., 1995–1998.

мунизм оказался удобной ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой за господство над Европой. Эти ставшие документально очевидными цели имперской политики западных держав и вызвали появление «защитного противовеса» в виде «пунктов» резолюции ОБСЕ. События, которые привели к Второй мировой войне, сводятся методом умолчания к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала России необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

Версия о виновности СССР во Второй мировой войне впервые была озвучена в декларации Гитлера 22 июня 1941 г., для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валенди, В. Глазобок, Э. Хельдмах и др.). Книга последнего «Нападение?» неоднократно переиздавалась.

Но «единого фронта» у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе всегда была влиятельной школа в исторической науке, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете «Гардиан» 9 сентября 2009 г. статью, название которой отражает ее содержание: «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР во Второй мировой войне не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия времен войны». Он пишет, что «до сих пор» ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но «возродившийся правый национализм в Восточной Европе и истерический ревизионизм сравнивают нацизм с коммунизмом». С. Милайн приводит имена историков, проповедующих эти взгляды, и заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера

ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда президент Дмитрий Медведев на прошлой неделе назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом "циничной ложью", он говорил не только от имени правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира».

Резолюция ОБСЕ взаимосвязана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок Антигитлеровской коалиции, попыток представить ее как «ошибку истории», «противоестественный союз», отлучить нашу страну от победы и выпатить решающим вклад в нее западных союзников. Шельмуются решения «Большой тройки», усилилась критика лично Рузвельта и Черчилля за «промахи» в отношениях с СССР, не говоря уже о Сталине, за которым, оказывается, стояли некие «черные силы, направлявшие его злодеяния». Бойцов Красной Армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают захватчиками и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США, выступая в Латвии, осудил «в одной корзине» и советско-германский договор о ненападении, и ялтинские соглашения.

В предвоенные годы расчеты советского руководства избежать нападения нацистской Германии не оправдались. Вместе с тем СССР добился к началу войны важных предпосылок в создании Антигитлеровской коалиции, крупнейшего дипломатического прорыва того времени. Но еще за сутки до 22 июня 1941 г. мало кто в нашей стране мог предположить, что в этот день начнется война, которая продолжится четыре года и унесет миллионы человеческих жизней.

«БАРБАРОССА»: ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное наименование «Барбаросса» — прозвище

средневекового германского короля Фридриха I, который проводил особо агрессивную захватническую политику и бесславно погиб во время Третьего крестового похода.

Основную суть директивы наиболее полно отражали фразы, с которых она начиналась: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»¹

Издание этой директивы явилось как бы подведением итогов одного этапа подготовки антисоветской агрессии, начавшейся летом 1940 г., и началом ее завершающего этапа, официально зафиксированным верховным главнокомандующим германскими вооруженными силами. К этому времени жертвами германской агрессии уже стали народы Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции. Германии оставалось сокрушить только СССР, чтобы установить свое господство над всей континентальной Европой.

С призывами уничтожить СССР Гитлер выступал с самого начала своей политической карьеры. В своей книге «Майн Кампф», первое издание которой вышло в свет еще в 1925 г., он заявлял, что главной внешнеполитической целью национал-социалистов является завоевание и заселение немцами обширных земель на востоке Европы, что только захват этих земель обеспечит Германии статус действительно «мировой державы», способной вступить в борьбу за мировое господство. Он писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом нашего довоенного времени. Мы начинаем движение в том направлении, в котором оно было прекращено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное

¹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. М., 1998. Т. 3. С. 538.

германское движение на юг и запад Европы и обращаем взгляд на землю на востоке. Мы наконец завершаем колониальную и торговую политику довоенного времени и сознательно переходим к земельной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах».¹

С тех пор идея уничтожения СССР заняла особое место во внешнеполитической программе нацистской партии. Это преступное намерение нацисты пытались оправдать исходя из своего расистского мировоззрения. Гитлер утверждал, что громадная Российская империя якобы существовала исключительно благодаря наличию в ней «государствообразующих германских элементов среди неполноценной расы», что без «германского ядра», утраченного в ходе революционных событий в конце Первой мировой войны, она уже созрела для распада. Незадолго до захвата нацистами власти в Германии он заявил: «Вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии».²

После назначения 30 января 1933 г. Гитлера рейхсканцлером подготовка к уничтожению СССР стала главным направлением внутренней и внешней политики Третьего рейха. Уже 3 февраля на закрытом совещании с представителями высшего командования рейхсвера Гитлер сообщил, что его правительство в области внутренней политики намерено «искоренить марксизм», установить «строго авторитарный режим» и ввести всеобщую воинскую повинность, а во внешней политике — добиться ликвидации Версальского мирного договора, найти союзников, вести борьбу за рынки сбыта и подготовиться к «захвату нового жизненного пространства на востоке и его беспощадной германизации». При этом Гитлер подчеркнул, что приоритет будет отдан подготовке агрессии на востоке³.

Германская агрессия в Европе 1936–1940 гг. рассматривалась нацистами лишь как прелюдия к развязыванию антисоветской агрессии. Заключение германо-советских договоров

¹ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.

² *Rauschning H.* Hitlers Aim in War and Pease. London, 1940. P. 27.

³ *Dokumente zur deutschen Geschichte.* 1933–1935. B., 1977. S. 24.

о ненападении (23 августа 1939 г.) и о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) с дополнительными секретными протоколами рассматривалось в Берлине как тактический маневр с целью создания наиболее благоприятных политических и стратегических предпосылок для нападения на СССР в будущем. Выступая перед группой членов рейхстага и гаулейтеров 28 августа 1939 г., Гитлер подчеркивал, что Пакт о ненападении «ничего не изменяет в принципиальной антибольшевистской политике» и, более того, будет использоваться Германией против Советов.

Представители высшего командного звена были об этом прекрасно информированы.

17 октября 1939 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Германии полковник Э. Вагнер получил через начальника штаба ОКВ генерал-фельдмаршала В. Кейтеля приказ от Гитлера о том, чтобы в оккупированной немецкими войсками Польше были приведены в порядок и поддерживались в хорошем состоянии железные и шоссейные дороги, а также средства связи. «Эта область, — подчеркивал Гитлер, — имеет для нас военное значение как передовое укрепление. Она может быть использована для развертывания войск».¹

Гитлер, по свидетельству его бывшего адъютанта Н. Белова, после разгрома Польши неоднократно во время бесед со своими генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на Западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм».² Это находит подтверждение в протоколе совещания Гитлера с представителями высшего командования вермахта, состоявшегося 23 ноября 1939 г. На этом совещании он заявил: «Россия сейчас не опасна. Она сегодня ослаблена многими внутренними процессами. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются только до тех пор, пока они соответствуют целям... Мы сможем выступить против России только тогда, когда будем свободны на Западе».³

После заключения 22 июня 1940 г. перемирия с Францией германское руководство, несмотря на то что ему не удалось вы-

¹ Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. (Далее — ИМТ.) Nuremberg, 1947–1949. Vol. 26. P. 379–382.

² Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980. S. 192.

³ ИМТ. Vol. 26. P. 331.

вести из войны Англию, решило повернуть оружие против СССР. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер уже 3 июля по собственной инициативе еще до получения соответствующего распоряжения Гитлера приступил к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы ее признать господствующую роль Германии в Европе».

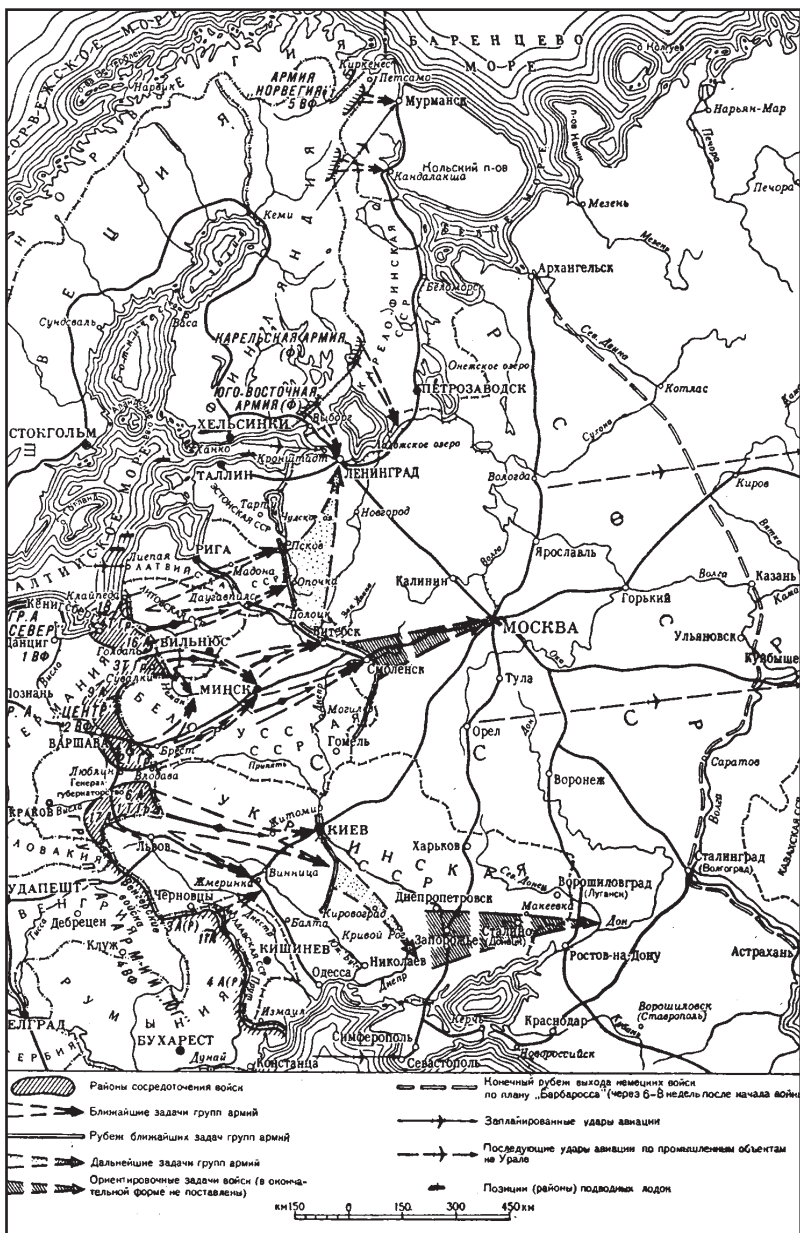
21 июля на совещании у Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о соображениях по этому вопросу. Он заявил, что в Красной Армии насчитывается якобы всего 50–70 «хороших дивизий» и поэтому для ее разгрома потребуется не более 80–100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет четыре-шесть недель. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование.

К планированию нападения приступило также управление (8 августа переименовано в штаб) оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта. Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с Браухичем. Он считал, что для разгрома Красной Армии потребуется не 100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развертывания на восточном фронте потребуется не четыре-шесть недель, а четыре месяца. Йодлю 29 июля удалось переговорить с Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на весну следующего года.

Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940, а мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — пять месяцев, то есть до наступления осенней распутицы.

Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной Армии в ходе «одного стремительного удара». Он согласился с предложением Йодля увеличить количество соединений, предназначенных для нападения на СССР, до 120 дивизий.

На основании указаний фюрера началась новая работа по составлению планов войны на востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

План войны фашистской Германии против СССР (план «Барбаросса»)

По поручению Гальдера генерал Э. Маркс, считавшийся знатоком России, 5 августа 1940 г. составил план под условным названием «Оперативный проект Ост». В управлении оперативного руководства ОКВ аналогичный документ под названием «Оперативная разработка Ост» по поручению Йодля был подготовлен 15 сентября 1940 г. начальником группы «Сухопутные войска» подполковником Б. Лоссбергом.

Идеи, изложенные в вариантах Маркса и Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Ее координация с начала сентября 1940 г. была возложена на 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В первой половине декабря работа над планом была завершена. На его основе Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21, которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней в концентрированном виде отразилась абсолютизация германским военным командованием опыта молниеносных войн против Польши и Франции, уверенность в том, что война против СССР будет выиграна в течение нескольких недель в ходе приграничных сражений. Трем группам армий «Север», «Центр» и «Юг», предназначенным для наступления на ленинградском, московском и киевском направлениях, была поставлена задача только на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр — Западная Двина. Группа армий «Центр» должна была наступать танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее с целью раздробить силы противника в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих подвижных войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению войск противника в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого группы армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов до выхода

к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать реку Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчеркивалась важность быстрейшего захвата немецкими войсками после форсирования Днепра Москвы и Донецкого бассейна. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга — Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России».

В плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии. Румынские войска должны были «поддерживать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финская армия должна была прикрывать сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшихся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действия совместно с этими войсками»¹. В мае 1941 г. к участию в подготовке нападения на СССР была привлечена и Венгрия. Расположенная в центре Европы, она являлась перекрестком важнейших коммуникаций. Без ее участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) подготовило директиву по стратегическому развертыванию сухопутных войск по плану «Барбаросса». 3 февраля эта директива была одобрена Гитлером. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы всех своих объединений. Они были уточнены и одобрены

¹ Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 124–127.

в генеральном штабе сухопутных войск. В конце февраля началось развертывание немецких групп армий у границ СССР.

Параллельно с разработкой плана нападения на СССР за долго до его утверждения Гитлером началась реорганизация и перевооружение вермахта с учетом вставшей перед ним новой задачи. По распоряжению начальника штаба ОКВ В. Кейтеля от 5 сентября 1940 г. общая численность сухопутных войск должна была весной 1941 г. составить 180 дивизий, в том числе 10 моторизованных, 20 танковых и 20 резервных.

К тому времени германская военная экономика уже переключилась на выпуск оружия для этого огромного количества войск. 20 августа 1940 г. управление военной экономики и вооружения ОКВ получило директиву, в которой говорилось: «Для составления программы вооружения армии военного времени следует взять за основу двести дивизий (включая дополнения)»¹. Эта так называемая августовская программа предусматривала в течение семи месяцев, до 1 апреля 1941 г., обеспечить полное перевооружение сухопутных войск. Ее выполнение осуществляли не только военные предприятия Германии, но и 4876 предприятий в оккупированных Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции². В результате перед нападением на СССР значительно возрос уровень вооружения Германии. Однако выпуск военной продукции в ходе выполнения августовской программы постоянно отставал от темпов роста числа соединений. Так, число танков перед нападением на СССР увеличилось по сравнению с маем 1940 г. на 60%, однако для того, чтобы оснастить новые танковые дивизии по штатам 1940 г., их было недостаточно. Поэтому количество танков в танковых дивизиях пришлось значительно сократить. В разросшихся войсках ощущалась нехватка грузовых автомобилей, особенно тягачей для тяжелых артиллерийских орудий. Немецкому командованию пришлось использовать гужевого транспорт. Несмотря на эти и другие проблемы, немецкие войска перед нападением на СССР представляли собой громадную, хорошо оснащенную современной техникой и вооружением машину уничтожения.

¹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 343.

² Ibid. S. 533.

Рассматривая вопрос о вооружении Германии, нельзя не упомянуть о том, что с сентября 1939 г. почти до самого начала Великой Отечественной войны СССР оставался одним из ее главных торговых партнеров. В связи с этим в различных изданиях можно встретить утверждение, что советское руководство, продавая Германии продовольствие и сырье, в котором та действительно нуждалась, якобы чуть ли не набивалось ей в союзники. При этом упускается из виду, что СССР в то время использовал торговые связи с Германией для того, чтобы укрепить собственную обороноспособность на случай вовлечения его в войну против той же Германии и ее союзников. Об этом довольно убедительно свидетельствуют недавно опубликованные документы из Архива Президента Российской Федерации. Они, в частности, показывают, что в период действия советско-германского хозяйственного соглашения от 11 февраля 1940 до 11 февраля 1941 г. советское руководство добивалось поставки ему самой современной военной техники и промышленного оборудования из Германии в обмен на поставки ей зернобобовых культур, нефтепродуктов, руды и различных видов сырья. По этому хозяйственному соглашению Германия обязалась выполнить советские заказы на 15 видов вооружения на сумму в 94 млн 584 тыс. германских марок, на 33 вида промышленного оборудования (41 млн 985 тыс. марок), на 11 наименований различных металлов и металлоизделий, а также поставлять СССР большое количество каменного угля. Согласно договору общая сумма этих поставок равнялась 253 млн 726,6 тыс. германских марок. Для того чтобы обеспечить выполнение важных для него заказов, СССР обязался поставить Германии продовольствия и сырья на сумму 353 млн германских марок. Таким образом, общая сумма взаимных поставок должна была составить почти 600 млн германских марок¹.

Советское руководство требовало от германского руководства неукоснительного выполнения заказов в установленные сроки и принимало меры против их нарушения. Так, за шесть недель до начала наступления вермахта на западном фронте

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 301–313, 318–319.

СССР в ответ на задержку с выполнением заказов отказался поставлять Германии зерно и нефтепродукты и возобновил их только после начала крушения Франции. Однако и после этого советское руководство продолжало требовать от германского руководства ликвидировать задолженность, которая в начале августа 1940 г. составила 73,3 млн марок¹. Одним из побудительных мотивов, заставившим Гитлера принять решение о нападении на СССР, было осознание им того, что это государство никогда не смирится с ролью германского сателлита, а будет всегда проводить самостоятельную политику. 10 января 1941 г. был подписан новый советско-германский торговый договор, по которому Германия обязалась к маю 1941-го ликвидировать задолженность по советским заказам 1940 г., а затем новыми поставками техники компенсировать текущие поставки продовольствия и сырья из СССР². В действительности же Гитлер и его генералы собирались не возмещать растущие задолженности по поставкам СССР, а приступить в мае 1941 г. к его уничтожению.

Перед нападением на СССР в вермахте насчитывалось 7,3 млн человек, 71,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тыс. танков и 5,7 тыс. боевых самолетов³. Первостепенное внимание германское руководство уделяло наращиванию численности и качественному совершенствованию сухопутных войск. Если перед наступлением на Францию насчитывалось 156 дивизий, в том числе 10 танковых и 6 моторизованных, то перед нападением на СССР — уже 214 дивизий, из них 21 танковая и 14 моторизованных. Для «войны на востоке» было выделено более 70% соединений — 156 дивизий, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также три бригады. Это была наиболее боеспособная часть сухопутных войск Германии. Для ее авиационного обеспечения из имевшихся в вермахте пять воздушных флотов было выделено три флота полностью и один частично.⁴

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. С. 310–311.

² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.

³ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 80.

⁴ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 132.

Этих сил, по мнению немецкого военного командования, было вполне достаточно, чтобы разгромить Красную Армию в ходе одной быстрой кампании.

Гитлер и его министр иностранных дел Й. Риббентроп с самого начала Второй мировой войны требовали от своих партнеров по Антикоминтерновскому пакту — фашистской Италии и милитаристской Японии немедленного вступления в войну против Англии и Франции. Это требование первой выполнила Италия. Успехи вермахта в «битве за Францию», начавшейся 10 мая 1940 г., послужили сигналом для ее вступления в «параллельную войну» за установление господства на Средиземном море: 10 июня 1940 г. она объявила войну Англии и Франции. На разгром Франции и распад англо-французской коалиции летом 1940 г. японские милитаристы отреагировали провозглашением в качестве своей программной цели борьбу за создание так называемой великой восточноазиатской сферы процветания и взяли твердый курс на сближение с Германией в расчете заручиться ее помощью в предстоящей борьбе против США и Англии за господство в «восточноазиатском пространстве».

9 сентября 1940 г. в Токио по германской инициативе начались секретные германо-японские переговоры о военном союзе Германии и Италии с Японией. Эти переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием «Пакт трех держав». В опубликованном тексте содержалась оговорка, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, который в настоящее время существует между каждой из трех сторон и Советской Россией». Для Германии она служила лишь маскировкой готовившегося нападения на СССР. Оговорка о России не означала отказа и Японии от вынашиваемых с начала 1930-х гг. антисоветских военных планов. В ходе германо-японских переговоров в Токио 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил, что он не оставляет надежды на «установление сотрудничества Германии с Японией в уничтожении России».¹

¹ Documents on German Foreign Policy 1939–1943. Washington, 1949. Serie D. Vol. 34. P. 609.

Гитлер и его генералы, скрывая от Италии и Японии свои антисоветские планы, отводили им на время проведения операции «Барбаросса» роль прикрытия Германии с флангов и тыла. 5 марта 1941 г. штаб ОКВ издал директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней предусматривалось как можно скорее добиться согласия на проведение операции по захвату главной военно-морской базы Англии в Сингапуре, с тем чтобы «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан¹.

Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Однако немецким военным и дипломатам не удалось скрыть роста своей враждебности к СССР от японского посла в Берлине Х. Осима. Об этом он сообщал в Токио. В том, что Гитлер и Риббентроп крайне агрессивно настроены против СССР, лично убедился и министр иностранных дел Японии И. Мацуока во время визита в Берлин в конце марта — начале апреля 1941 г. Они советовали Японии не заключать с СССР никаких политических соглашений и в то же время требовали, чтобы она как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом Гитлер гарантировал, что Германия немедленно обрушит сокрушительный удар по любой державе, будь то СССР или США, если кто-то из них посмеет воспрепятствовать расширению японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Мацуока сомневался в том, что Германия в ближайшее время нападет на СССР. Поэтому он 13 апреля 1941 г. подписал в Москве соглашение с советским правительством о нейтралитете, с тем чтобы обеспечить Японии свободу тыла на севере на случай ее перехода к вооруженной экспансии в южном направлении. Для того чтобы как-то разрядить возникшую в связи с этим некоторую напряженность в германо-японских отношениях, он 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту: «Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»².

¹ Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 629.

² Цит. по: Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 246.

6 июня 1941 г. Х. Осима сообщил в Токио, что Гитлер и Риббентроп в общих чертах все же ознакомили его с планом «Барбаросса». Они предложили японскому правительству, если оно пожелает, «в как можно более короткий срок» подготовиться к нападению на СССР, но точной даты нападения не назвали. Получив такое запоздалое сообщение, японское правительство решило пока продолжать начатую подготовку к войне против Великобритании и США, но если выяснится, что СССР не сможет дать отпор напавшей на него Германии и утратить способность продолжать борьбу, то в этом случае «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»¹.

Гитлер, Риббентроп и немецкие генералы до последнего дня перед нападением на СССР скрывали от итальянского союзника свои антисоветские замыслы. Но руководство Италии все же подзревало, что назревает германо-советский конфликт, и было обеспокоено тем, что может остаться в стороне от «борьбы против большевизма». В конце мая 1941 г. оно приступило к формированию особого армейского корпуса, предназначавшегося для войны против СССР, а 15 июня объявило о своем желании участвовать в «походе на восток»². На это Берлин никак не отреагировал. Лишь 21 июня 1941 г. Гитлер в письме Б. Муссолини сообщил, что самой лучшей помощью Германии стало бы увеличение численности итальянских войск в Северной Африке и активизация боевых действий итальянской авиации и флота на Средиземном море. Но от отправки итальянского корпуса на советско-германский фронт Гитлер не отказался.

Для того чтобы создать более благоприятные условия для размещения своих войск у западных границ СССР, Германия добилась присоединения к Пакту трех держав ряда стран Европы: Венгрия (20 ноября), Румыния (23 ноября), Словакия (24 ноября), Болгария (1 марта 1941 г.), Независимое государство Хорватия (16 июня), созданное германским правительством после разгрома и расчленения Югославии в апреле 1941 г. С Финляндией Германия установила военное сотрудничество без включения ее в Пакт трех держав. Под прикрытием заключенных

¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 105.

² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 897–898.

с нею двух соглашений от 12 и 20 сентября 1940 г. о транзите военных материалов и войск в оккупированную Норвегию началось превращение финской территории в операционную базу для нападения на СССР¹.

Завершить развертывание основных сил Германии на востоке по плану «Барбаросса», как намечалось, до 15 мая не удалось, поскольку часть немецких войск с 6 по 29 апреля 1941 г. участвовала в Балканском походе вермахта против Югославии и Греции. 30 апреля на совещании высшего командования вермахта начало операции «Барбаросса» было перенесено на 22 июня 1941 г.

Высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы ведения войны на уничтожение против Советского Союза, планы его экономической эксплуатации и расчленения.

Из выступлений Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января, 17 и 30 марта 1941 г. видно, как нацистская верхушка представляла себе ведение войны на уничтожение. Гитлер заявлял, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на западе и севере Европы», что в ней предусматривается «тотальное разрушение», «уничтожение России как государства». Пытаясь подвести идейную базу под эти преступные замыслы, он объявил, что предстоящая война против СССР будет «борьбой двух идеологий» с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную Армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа².

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР хорошо усвоили нацистское мировоззрение и воспринимали Гитлера не только как верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его преступные указания они облекали в форму приказов войскам. 28 апреля 1941 г. Браухич издал приказ «Порядок использования полиции

¹ Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. В., 1988. С. 81.

² Fall Barbarossa. С. 88–89.

безопасности и СД в соединениях сухопутных войск», в котором подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов».

13 мая 1941-го начальник штаба ОКВ Кейтель издал указ «Об особой подсудности в районе "Барбаросса" и особых полномочиях войск». Согласно указу, с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам.

В «Руководящих указаниях о поведении войск в России», подготовленных в штабе ОКВ, в качестве одного из приложений к особому распоряжению № 1 от 19 мая 1941 г. к директиве «Барбаросса» говорилось: «Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления»¹. 6 июня 1941 г. штаб ОКВ издал «Инструкцию об обращении с политическими комиссарами». Солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте всех попавших в плен политических работников Красной Армии². Эти противоречившие международному праву, идеологические мотивированные приказы ОКВ и ОКХ были одобрены Гитлером.

При подготовке нападения на СССР нацистская верхушка чуть ли не первостепенное значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала в интересах обеспечения программы завоевания германского мирового господства. На совещании с командованием вермахта 9 января 1941 г. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимы богатства огромных русских терри-

¹ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987. С. 70.

² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426–440.

торий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов».¹

Специально разработкой планов разграбления национальных богатств СССР занималась созданная в марте 1941 г. хозяйственная организация «Восток», которая во взаимодействии с войсками вермахта должна была ведать всеми вопросами по экономическому использованию оккупированных областей СССР. Общее руководство этой организацией осуществлял генеральный уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана Г. Геринг. Ему непосредственно подчинялся экономический штаб «Восток», который с целью маскировки в немецких документах фигурировал под условным названием «Ольденбург».

Планы германского руководства по эксплуатации советской промышленности были изложены в «Директивах по руководству во вновь оккупированных областях», получивших по цвету переплета название «Зеленая папка Геринга». Директивами предусматривалось организовать на территории СССР добычу и вывоз в Германию тех видов сырья, которые были важны для функционирования германской военной экономики; восстановить ряд заводов с целью ремонта техники вермахта и производства отдельных видов вооружения. Большинство же советских предприятий, выпускающих мирную продукцию, планировалось уничтожить. Особый интерес Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь А.Г.», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна «ИГ Фарбен» и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка².

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России» посредством перекры-

¹ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a/M, 1965. Bd. 1. S. 258.

² Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 554–559.

тия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры, как Москва и Ленинград¹. Те, кто готовил эти указания, прекрасно осознавали, что это приведет к голодной смерти миллионов советских граждан. На одном из совещаний штаба «Восток» говорилось: «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод».²

Планами расчленения СССР и установления на его территории германского правления занимались рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер, назначенный Гитлером в самом начале Второй мировой войны «рейхскомиссаром по укреплению германской народности» и начальник внешнеполитического управления НСДАП А. Розенберг, которого Гитлер в апреле 1941 г. назначил «уполномоченным по централизованной разработке вопросов восточноевропейского пространства». Они строили планы включения в состав Третьего рейха значительной части территории Советского государства, уничтожения или превращения в рабов его населения. «Сегодня же мы ведем "крестовый поход" против большевизма не для того, чтобы освободить "бедных русских" на все времена от этого большевизма, — заявил 20 июня 1941 г. А. Розенберг, — а для того, чтобы проводить германскую мировую политику»³.

Гитлер, выступавший на протяжении всей своей политической карьеры за расчленение СССР, на состоявшемся 31 июля 1940 г. совещании высшего командования вермахта, посвященном подготовке нападения на СССР, заявил: «Украина, Белоруссия и Прибалтика — нам». Северо-западные районы России вплоть до Архангельска он собирался тогда передать Финляндии.

Гиммлер уже 25 мая 1940 г. подготовил и представил Гитлеру свои «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей». Он писал: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возмож-

¹ Новые документы по Новейшей истории. М., 1996. С. 133–137.

² Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.

³ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С. 62.

но более мелкие ветви и группы. Что касается отдельных народностей, мы намерены стремиться к их сплочению...»¹ В начале мая 1941 г. Розенберг в сотрудничестве с МИД Германии подготовил план создания четырех рейхскомиссариатов и уже до начала нападения на СССР поставил во главе каждого из них имперских правителей из числа нацистских гаулейтеров. В первый рейхскомиссариат под названием «Остланд» было намечено включить Латвию, Литву, Эстонию и Белоруссию, во второй — под названием «Москва» должна была войти западная часть России, в третий — под названием «Украина» планировалось включить часть территории советской Украины, в четвертом — под названием «Кавказ» в рабстве у захватчиков должны были оказаться все кавказские народы. Власть Германии после разгрома СССР должна была простираться на расположенные далеко на востоке области Сибири, на Туркмению, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и т. д.²

Ведущую роль в решении вопроса о том, какое будущее должно было бы ожидать население на советской территории вплоть до Урала после победы Германии, играл рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер. 24 июня 1941 г. он поручил начальнику планового отдела при рейхскомиссаре по укреплению немецкой народности, директору Института по аграрному делу и аграрной политике Берлинского университета профессору К. Мейеру-Хетлингу подготовить план систематической депортации славян и евреев из Центральной и Восточной Европы с тем, чтобы высвободить пространство для заселения немцами. Этот план под названием «Генеральный план "Ост"» был готов уже 15 июля 1941 г. В нем предусматривалось в течение 25–30 лет изгнать с родных мест от 80 до 85% населения из захваченных Германией польских земель, 85% граждан Литвы, 65% жителей Западной Украины, 75% жителей Белоруссии и по 50% населения Литвы, Латвии, Эстонии и Чехии. На территории, подлежащей германизации, согласно этому документу, проживало 45 млн человек, в том числе до 5–6 млн евреев. Евреев планировалось поголовно выселить за Урал. Всего же

¹ Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88.

² Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 561.

выселить в Сибирь планировалось не менее 31 млн человек, которые были объявлены «нежелательными по расовым показателям». На их место предлагалось немедленно по окончании войны поселить до 8,5 млн немцев, а затем в течение 25–30 лет поселить на земли, уже очищенные от «неполноценных» в расовом отношении коренных жителей, еще две волны немцев численностью в 1,1 и 2,6 млн человек¹.

Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»².

Один из разработчиков генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель, референт по расовым вопросам в Восточном министерстве Розенберга, подготовил для Гимmlера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения» или ослабления любыми способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»³.

Сателлиты Германии за пособничество в агрессии также рассчитывали на быструю победу и богатую добычу. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и получить значительную часть территории советской Украины. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Дрогобыче, а также всю Трансильванию, так как по второму Венскому арбитражу, осуществленному Германией и Италией

¹ Нюрнбергский процесс. Т. I–II. М., 1954. Т. II. С. 397.

² Цит по: Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 397.

³ Цит по: Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 290–291.

в августе 1940 г., Румыния была вынуждена уступить Венгрии только северные районы этой спорной области. Правящие круги Финляндии надеялись при содействии Германии распространить свою власть на советские земли к северу от Невы и Свири, то есть на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров.

В середине июня 1941 г. завершилось развертывание немецких войск, предназначенных для нападения на СССР. В группировке вооруженных сил Германии 22 июня 1941 г. насчитывалось 4,1 млн человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей. С учетом войск Финляндии, Румынии и Венгрии, развернутых для вторжения в СССР, было выделено около 5 млн человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей.

18 июня 1941 г. Гитлер вызвал к себе Риббентропа и дал ему указание по ведению пропаганды. Риббентроп должен был впредь лживо утверждать, что якобы из-за нарушения советскими войсками границы и вызывающего тревогу развертывания Красной Армии вермахту уже нельзя было медлить с нанесением упреждающего удара. Аналогичные указания были даны отделу пропаганды ОКВ. Так родилась легенда о превентивной войне Германии против СССР. Она была озвучена сначала в «Дневном приказе солдатам восточного фронта» 21 июня, а затем и в «Обращении Адольфа Гитлера к немецкому народу», зачитанном министром пропаганды Й. Геббельсом в специальной передаче Великогерманского радио в 5.30 утра (по берлинскому времени) 22 июня 1941 г. В это время невиданная в истории войн мощнейшая германская армия вторжения уже перешла в наступление в глубь советской территории. Немецкое военное руководство было уверено в успехе начавшегося похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браухич заверил Гитлера в том, что Красная Армия будет разбита уже в ходе «ожесточенных пограничных сражений» в течение первых четырех недель войны.¹

¹ ИМТ. Vol. 26. P. 399–403.

В то, что германский вермахт способен разгромить Красную Армию в течение нескольких недель или месяцев, верили и руководители союзных Германии стран. Поэтому правители Италии, Словакии и Хорватии, с которыми Гитлер не хотел делиться славой победителя в очередной успешной военной кампании, как только узнали о начале нашествия на СССР, по собственной инициативе спешно направили на германский восточный фронт свои войска. В считанные недели сюда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий, словацкий корпус с двумя дивизиями и хорватский усиленный полк. Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов.

Таким образом, летом 1941 г. против СССР выступили главные военные силы блока агрессоров. Началась беспрецедентная по размаху и напряженности вооруженная борьба. От исхода этой борьбы зависел дальнейший ход не только Второй мировой войны, но и мировой истории.

ПЛАНИРОВАЛ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР ПО ГЕРМАНИИ?

Вопросы, связанные с подготовкой СССР к возможной войне с Германией, относятся к числу наиболее обсуждаемых в новейшей историографии. Введенные в 1990-е гг. новые архивные материалы дали возможность ряду отечественных и зарубежных историков и публицистов инициировать дискуссию вокруг проблемы «внезапности» нападения Германии, подготовки Советского Союза к «наступательной войне» или к нанесению «упреждающего удара».

Показу несостоятельности тезиса о превентивном характере гитлеровского нападения 22 июня 1941 г. историками уделялось немало внимания и в советское время. В литературе, посвященной этой проблеме, зачастую не проводилось четкой грани между превентивной войной в том значении, которое вкладывалось в это понятие идеологами гитлеризма, и превентивным ударом — специальным военным термином. Это сегодня приводит к определенным трудностям в анализе как самой проблемы,

так и посвященной ей историографии. Очевидна принципиальная разница между «превентивной войной», о которой десятилетиями твердила западногерманская правоконсервативная историография, и «превентивным ударом», дискуссия по поводу которого была навязана российским историкам в первой половине 1990-х гг.

Обвинение Советского Союза в его «намерении с тыла атаковать Германию» прозвучало из уст официальных представителей нацистской Германии уже летом 1941 г., сразу после нападения на СССР. В заявлении посла Шуленбурга советскому правительству, а также в меморандуме, врученном 22 июня 1941 г. советскому послу в Берлине, говорилось: «Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»¹. Кроме того, такое объяснение причины решения начать войну против СССР было озвучено Гитлером в обращении к немецкому народу.

После войны в работах некоторых бывших генералов и офицеров вермахта, а также чиновников Третьего рейха, стремившихся оправдать свое участие в подготовке и осуществлении плана «Барбаросса», тезис о превентивном характере гитлеровского нападения был повторен. На допросе 17 июня 1945 г. начальник штаба при ставке верховного главнокомандования вермахта А. Йодль заявил: «Существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первой нападет на нас. А поскольку раньше или позже, но война с ней неизбежна, нам лучше самим выбрать время для нападения»². Германия в выступлениях этих авторов рисовалась как «хранилище Европы», «барьер против распространения коммунистического панславизма»³. Утверждалось, будто бы Сталин был намерен завоевать всю Европу, и если бы Красная Армия

¹ 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 419.

² Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 83.

³ *Куманев Г.А., Курбанов В.В.* Миф о «превентивной войне» и его буржуазные приверженцы // *Буржуазная историография второй мировой войны: анализ современных тенденций.* М., 1985. С. 156.

и не напала бы на Германию в 1941 г., то непременно сделала это позднее, поэтому «решение Гитлера начать превентивную войну с целью сдерживания советской экспансии» получило поддержку. Таким образом, в понятие превентивности военно-политическим руководством Германии вкладывался более широкий смысл, не сводимый к проблеме подготовки Советским Союзом «упреждающего удара».

Политическое руководство нацистской Германии и командование вермахта, говоря об оценке военных намерений СССР, квалифицировали материально-техническое и кадровое состояние Красной Армии как в целом неудовлетворительное и считали, что она не в состоянии вести ширококомасштабные наступательные операции. В то же время, зная о неготовности СССР к войне летом 1941 г., германское руководство учитывало тот факт, что в дальнейшем условия для нападения на СССР становились все менее благоприятными. Руководство Германии сознавало, что время работает на Советский Союз, а не на Германию, именно поэтому надо было спешить с осуществлением нападения. На совещании 27 сентября 1939 г. Гитлер говорил: «Время будет работать, в общем, против нас, если мы его сейчас же не используем... В военном отношении время работает также не на нас»¹. С точки зрения интересов Германии это была адекватная оценка обстановки.

Такого рода военно-политические соображения, вероятно, действительно повлияли на принятие в Берлине решения о подготовке нападения на СССР. В то же время в нацистском руководстве сложилось устойчивое убеждение, что в обозримом будущем Советский Союз не только не собирается предпринимать каких-либо агрессивных действий против Германии, но и не рискнет прибегнуть к превентивным наступательным действиям в оборонительных целях. Как свидетельствует дневник Гальдера, Гитлер не раз высказывался в соответствующем ключе. 14 августа 1939 г. на секретном совещании руководящего состава вермахта он заявил, что «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны». Позднее, 22 июля 1940 г., он опять с определенностью конста-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 133.

тировал: «Русские не хотят войны»¹. Данную оценку разделял, в частности, министр финансов Германии фон Крозиг, который считал, что «СССР выполняет все условия договора (1939 г. — *Ред.*) и не создает никакой угрозы Германии военной силой»². Оценка самого Гальдера совпадала с мнением фюрера: «Россия сделает все, чтобы избежать войны». Непосредственно накануне агрессии, 22 мая 1941 г., Гальдер подчеркивает оборонительный характер группировки Красной Армии в западных приграничных округах, отмечает «решимость русских удержаться на границе» и отсутствие признаков подготовки к наступлению. 7 мая 1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они разворачивают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем и желать»³.

Военные специалисты тем не менее не могли не рассмотреть превентивный вариант действий Красной Армии. В стратегической разработке оперативного отдела ОКВ по подготовке и проведению кампании против СССР от 15 сентября 1940 г. излагались возможные варианты действий СССР в войне против Германии, в том числе и такой, при котором «русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам». Однако авторы документа считали «невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства... Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска». Наиболее вероятным в документе считался вариант, при котором русские армии «примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы...» При этом этот вариант рассматривался как более благоприятный для немецкой армии в связи с тем, что «после поражения в приграничных районах русское командование вряд ли сможет обеспечить организованный отход всей армии»⁴.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 38; Т. 2. С. 61.

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. В 7 т. М., 1960. Т. 5. С. 569.

³ Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 35.

⁴ 1941 год. Кн. 1. С. 154, 231–233.

Подобной оценки действий советских войск придерживалось командование вермахта и позднее, исходя из того что Красная Армия будет обороняться. В директиве ОКХ по стратегическому развертыванию от 31 января 1941 г. сказано: «Вероятно, что Россия, используя частично усиленные полевые укрепления на новой и старой государственной границе, а также многочисленные удобные для обороны выгодные рубежи, примет главное сражение в районе западнее Днепра и Двины... При неблагоприятном течении сражений, которые следует ожидать к югу и к северу от Припятских болот, русские попытаются задержать наступление немецких войск на рубеже Днепр, Двина»¹.

Ф. Гальдер 22 марта 1941 г. записал в дневнике: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских». В таком же духе высказывался генерал-фельдмаршал фон Г. Рундштедт. Это мнение подтверждалось разведывательными сводками, поступавшими в Берлин. Так, в сводке № 5 от 13 июня 1941 г. генштаба сухопутных войск Германии отмечалось, что «со стороны русских... как и прежде, ожидаются оборонительные действия»².

Такая же оценка возможных действий Красной Армии сохранилась в донесениях германского посла и военного атташе в Москве. В частности, в мае 1941 г. посол сообщал в Берлин: «Я твердо убежден, что в международной ситуации, которую он считает серьезной, Сталин поставил целью предохранение Советского Союза от столкновения с Германией». В ходе личной беседы с Гитлером Ф. Шуленбург заявил: «Я не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию». Согласившись с этим, Гитлер выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже «спровоцировать на нападение»³.

Во время переговоров с министром иностранных дел Японии Мацукокой в марте 1941 г. Гитлер и Риббентроп характеризовали позицию СССР соответствующим образом. Отметим, что данные источники предназначались отнюдь не для пропаганды и введения в заблуждение общественного мнения, и содержат оценки реальной обстановки.

¹ 1941 год. Кн. 1. С. 575–577.

² Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 32.

³ Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Soviet Union 1939–1941. S. 380–381.

Перед вторжением. Раннее утро 22 июня 1941 г.

Профессор Боннского университета Х.А. Якобсон в одном из своих интервью сказал: «...из многочисленных архивных материалов и из личных бесед с самим Гальдером я вынес убеждение, что Гитлер вовсе не исходил из того, что "русские окажут немцам любезность", напав первыми»¹.

Другой известный немецкий историк, И. Цукерторт, сделал вывод о том, что гитлеровская «выдумка о превентивной войне преследовала две цели: во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекулируя на антикоммунизме, попытаться привлечь на свою сторону западные державы в качестве союзников для разбойничьего "похода на восток"»².

Во время Нюрнбергского процесса многие гитлеровские генералы — в частности, Паулюс и Рундштедт — признали, что никаких данных о подготовке Советского Союза к нападению у них не имелось, а бывший руководитель германской прес-

¹ Красная звезда. 1991. 23 мая.

² Военно-исторический журнал. 1991. №5. С. 16.

сы и радиовещания Г. Фриче заявил, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в развязывании этой войны повинна не Германия, а Советский Союз...», несмотря на то что «никаких оснований к тому, чтобы обвинить СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было»¹.

Таким образом, с самого начала планирования Германией войны против СССР она последовательно и неуклонно готовилась к агрессии против нашей страны, ставшей фактом 22 июня 1941 г. Что же касается возможных ответных действий СССР, то в оперативно-стратегическом планировании германского военного командования (от начала разработок сценариев войны против СССР летом 1940 г. и до 22 июня 1941 г.) вариант наступательных действий Красной Армии в расчет даже не принимался. Ни Гитлер, ни другие представители нацистского руководства не верили в возможность нападения Советского Союза на Германию и не располагали ни дипломатическими, ни агентурными сведениями на этот счет. Не случайно германскому правительству пришлось впоследствии изрядно поломать голову над тем, как обвинить СССР в «нелояльности» и подготовке «удара в спину» Германии «во время ее смертельной схватки» с Англией.

Нападение Германии на СССР современники восприняли по-разному. Однако какие бы чувства ни питали к СССР те или иные круги мировой общественности, ни у кого в то время не возникло мысли, что Советский Союз готовил нападение, а Германия лишь опередила его с нанесением удара. Реалии не давали не только оснований, но и малейшего повода для такого рода заключений. Всем было ясно, что заявление нацистов об «упреждающем ударе», о «превентивной войне» — это всего лишь пропагандистский трюк, с помощью которого они рассчитывают оправдать очередной акт агрессии.

Таким образом, вопрос о характере германского нападения на СССР можно считать закрытым — это была неспровоцированная агрессия. Тем не менее некоторые авторы (в пер-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 5. С. 568–569.

вую очередь это относится к историкам, развивающим идеи В. Суворова-Резуна) не считают немецкую оценку советских военных приготовлений адекватной реальному положению дел. По их мнению, нацистское политическое руководство, генералитет и спецслужбы ошибались, расценивая приготовления Советского Союза к войне как оборонительные, в то время как в СССР замыслили «освободительный поход» в Европу и вели подготовку к нападению на Германию уже летом 1941 г.¹ Таким образом, пусть и допустив весной 1941 г. ошибку относительно ближайших намерений Сталина, нацисты в целом оказались правы, и их война против СССР в широком смысле должна рассматриваться как превентивная.

Особое место в данной системе аргументации отводится разработанным накануне войны в Генеральном штабе Красной Армии оперативным планам. Рассекреченные в 1990-е гг. и частично опубликованные, эти документы значительно расширили представления историков о подготовке СССР к возможной войне в 1940–1941 гг. Анализ этих документов в определенной мере позволяет конкретизировать стратегический замысел советского Генштаба, выяснить предполагаемый характер ведения войны.

ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В подготовке страны и вооруженных сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, предусматривавшее определение порядка развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий и замыслы первых стратегических операций. В зависимости от складывающейся международной обстановки, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы содержание разрабатываемых планов постоянно уточнялось. В предвоенные

¹ См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 501–502.